

Политическое тело президента

Галина Орлова

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ

Что делает Историю? – Тела.

И. Бродский.

Российский политический дискурс внимателен к знакам телесности. Власть объективируется в коммуникативной вязи плотских метонимий («фигур», «лиц», «правых рук»), смена политического стиля ощущается как смена жеста, а физическое состояние главы государства привычно интерпретируется как состояние самой власти.

Элементы телесного ряда в качестве политических конструктов не только обозначают гиперперсонализацию отечественной власти, но и производят существование участников политической коммуникации. Право тела на реальность – весомое основание для экспансии телесности в симулирующую сферу политики.

Примечательное увлечение политической телесностью совпало с премьерским дебютом В. Путина. И ранее среди отечественных акторов были замечены «рыжие» и «тяжеловесы». Однако сам факт их физико-политического существования сомнения не вызывал, а потому зеркальные функции телесного образа были очевидны. Дефицит реальности нового персонажа власти стал метафизическим основанием для превращения его тела в самостоятельное действующее «лицо».

Первоначально физическое тело Путина оказалось главным героем путинского нарратива и основой идентификации («маленький», «невзрачный», «человек со стальным взглядом», «образ мороженой трески» и т.д.). Очевидно, что конструкты внешнего облика объективировали не столько брэнное, сколько политическое тело этого человека¹, указывая на степень дифференци-

---

¹ Концепция удвоенного тела персоны власти представлена в классической политико-антропологической работе Е. Kantorowitz “The King’s two bodies: A Study in Mediaeval Political Theology” (1959). Канторович, ссылаясь на Е. Plowden, в част-

рованности образа («человек с лицом невыразительным», «неопределенность политического и экономического лица»), основательность властных позиций («фигура по замыслу абсолютно протокольная») и степень самостоятельности («доверенное лицо президента», «правая рука Собчака»).

Использование конструктов, альтернативных телесности («человек во всех смыслах без лица», «призрак», «фантом») как маркеров политического тела Путина позволяло фиксировать его иллюзорность и аморфность. Длительное отсутствие у нового премьера «энтвешной» куклы, репрезентирующей, прежде всего, политическое тело, также можно было рассматривать как событие знаковое.

Отношение к знаку принципиально для анализа политического тела, которое аккумулирует семиотический потенциал персоны власти. Оно существует на пересечении элементов физического и символического ряда, экзистирующих подлинность и идентичность данного персонажа в системе политических отношений. Объективируясь в континууме «телесное-вербальное», политическое тело оказывается дискурсивной производной власти и одновременно плацдармом политической коммуникации². Присутствие политического тела производит структурирующее воздействие на политическую реальность, а его отсутствие протупает в сигнификационной немощи политика.

Неслучайно нехватка политического тела Путина и проблематичность его участия в процессах семиотического обмена переживались как дефицит власти: «Что может сделать этот блеклый, ничем не запомнившийся, напрочь лишенный не только харизмы, но и малейшего намека на обаяние человек?» («Московский Комсомолец», 10.08.99). Фактурная идентичность, эмблематичный опыт или харизма политика неразрывно связаны с политическим телом и производны от него. Они задают субъективную достоверность отечественной власти, оказываются механизмами персонализирующего конструирования и воспроизводства российской политики и государственности.

Поэтому новацией в отечественном политическом контексте выглядело стремление использовать позитивный потенциал «полого» и «безликого» тела преемника Ельцина: «Но поскольку у каждого политика есть свое политическое лицо и идеологическая ниша, то нет возможности сильно отклоняться влево или вправо, тропа уже протоптана. Политику же, который не имеет собственной политической истории и счета собственных поражений и побед, легче существенно отклоняться, даже переходить на соседние тропы, пока там никого нет» («Фигуры и лица», 13.01.00). «Путин как политическое ничто»

ности, пишет: «Король заключает в себе два тела: тело природное и тело политическое. Природное тело есть тело смертное, подверженное всем бедам, доставляемым природой или случаем, физическим слабостям младенчества или старости и прочим напастям, что приключаются с природными телами остальных людей. Но его политическое тело – это тело, которое не может быть видимо или осязаемо, состоящее из власти и правления, предназначенное для того, чтобы повелевать людьми и рачительно управлять общественным достоянием, совершенно избавленное от инфантильности, дряхлости или других физических недостатков и слабостей, которым подвержено тело природное». Р.7.

² Здесь, безусловно, присутствуют аллюзии на политическую анатомию Мишеля Фуко и его понимание политического тела как «совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания...» (Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 41).

интерпретировался как «творческая пустота», источник и средоточие амбивалентных смыслов. Протеичная идентичность человека постмодерна зияла в постоянных переодеваниях и.о. Кимоно, «аляска», горнолыжный костюм играли лицо Путина, с парадоксальностью, присущей практикам одевания, подчеркивая: «А король-то пуст».

Произошла непривычная для российского подданного подмена политической бездны политической пустотой. Именно пустота позволяла конструировать тотальные высказывания – эмблемы путинского дискурса («Демократия – это диктатура закона». «Чем сильнее государство, тем свободнее личность». «Власть действительно отвечает за всё. Но очень многое зависит и от самих российских граждан». «Сохранение национальных интересов через вовлечение России в общее дело» («Известия», 2.06.00).). Политические оксюмороны, не только фиксировали метапозицию говорящего ("Путин – это наше все!"), но и указывали на приватизацию различных кодов политического поведения.

Трансформация поведенческих стратегий сопровождалась стремительными изменениями в политической анатомии Путина (от «призрака» к «политическому тяжеловесу»). Удачное помещение тела с нулевой степенью политического веса в дискурсивное пространство власти привело к метаморфозам политической телесности.

Прежде всего, были актуализированы и перенесены в политическую сферу аксиологически окрашенные физические конструкты («молодой», «здоровый», «сильный», «спортивный»³): «И в самом деле, сколько ни показывай пляшущего Зюганова или Явлинского, старательно, но не очень умело наносящего удары по боксерскому мешку, они не так убедительны, как Путин, борющийся на татами или спускающийся на горных лыжах» («Событие», 30.01.01). Автор, конечно, прав – именно «убедительность» физического тела позволяет ему активно участвовать в производстве реальности, в том числе и политической. Использование телесных метонимий на этот раз призвано подчеркнуть достоинства персоны власти: "Ельцин передал Россию в надежные руки Путина». В отличие от конструктов «правая рука Собчака», «доверенное лицо Ельцина», имеющих явную негативную окраску, конструкт «надежные руки Путина» подчеркивал активность, состоятельность и самостоятельность властной позиции.

Преимущества новой версии правителя выглядели особенно убедительно на фоне немощного тела Ельцина: «Он успешно создает себе имидж сильного, смелого и деятельного человека, готового демонстрировать приемы дзюдо прямо на глазах у телезрителей. Если царь Борис с трудом держался на ногах, то князь Владимир пышет здоровьем и полон физических сил» (цит. по: «Профиль», 21.02.00). Примечателен в этом контексте выбор одного из слоганов президентской кампании: «Старый президент передал власть новому». Здесь медико-возрастные различия прочитываются как различия политические. «Новый», безусловно, является оптимальной заменой конструкта «молодой», который имеет в российской политико-геронтологической традиции опасное прочтение – «неопытный», «незрелый» («не хватает профессионализма»), «президент продолжает учиться: ведь глава государства – молодой политик» («Новое время», № 25, 2000).

³ Конструкт «спортивный», как показывают опросы («Полис», №4, 2000), в российском контексте получил специфическую интерпретацию – «спортом занимается, значит не пьет».

Амбивалентность возрастных конструктов оставила вне конкуренции другой знак телесности – физическую силу («работа в тесном контакте с силовыми ведомствами», «инициатор силовой операции», «сторонник сильной России»). Сила – это маркер Путина в президентской ипостаси («Он предстает как сильная, упорная, целеустремленная, берущая на себя ответственность личность» («Ъ», 9.02.00)), стержень программы его действий («Либеральная экономика, жесткая власть, опора на силу и патриотизм, открытая, но независимая, активная и державная внешняя политика» («Независимая Газета», 7.05.00)). Конструкт силы и его версии в сфере деятельности – жесткость и насилие – определили модальность активности самого Путина («будем беспощадно бороться», «с этим надо кончать», «жестко, конечно, но справедливо», «...я бы их всех заставил работать на нужды общества») и стратегии реализации российской власти в целом («Смысл предпринимаемых нами шагов – заставить четко работать всю систему государственной власти снизу доверху»). И если на первых порах СМИ транслировали версию о рукотворной природе силового амплуа этого политического персонажа («Путину по определению положено быть жестким, так говорят в Кремле, поэтому даже если это качество ранее в нем и не было таким очевидным, его необходимо срочно развить и продемонстрировать населению» («Независимая Газета», 11.08.99)), то уже довольно скоро изъять силовой компонент из образа Путина стало невыносимо. Телесные конструкты, включенные в политический дискурс, убедительно производили реальность.

«Человек без слабостей» очень чувствителен к открытию в его поведении «бессильного», «беспомощного», «неуверенного». Это определило вектор антипрезидентской информационной компании: слабость обнаруживалась в отсутствии экономической программы и в стратегиях формирования кабинета министров, в отказе от борьбы с олигархами и в стиле ведения этой борьбы, в словах Путина и в его молчании. Господин Березовский даже силовые действия верховной власти по укреплению знаменитой «вертикали» проинтерпретировал как президентскую немощь: «Ведь на самом деле Путин-то демонстрирует слабость, слабость, что он не в состоянии реализовать исполнение тех законов, которые уже существуют. А спешка, с которой это проводится, демонстрирует двойную слабость Путина» («Время», 28.06.00). Евгений Киселев со ссылкой на великого русского поэта помянул о властителе слабым и лукавым («Итоги», 4.02.01). Обобщенный список президентских слабостей был представлен главным редактором «Независимой газеты». В. Третьяков еще весной предсказал основные стратегии развития политического сюжета: «Новейшая политическая мифологема, которую неминуемо предстоит либо подтвердить, либо опровергнуть своими действиями Путину, предельно ясна: Путин слабый президент и слабый человек». Доказательство политической теоремы о реальности и состоятельности верховной власти проходит под президентским девизом: «Мы не имеем права проявлять слабость».

Превращение характеристики физического тела Путина – силы – в основу политической конструкции позволило реализовать традиционные для России сценарии властного поведения: «Новая «сильная рука» исправит ошибки прошлого и принесет обещанное процветание» («Независимая Газета», 6.01.00). Конструирование сакральных политических позиций породило такие президентские амплуа, как «герой-змееборец» и «спаситель Отечества».

Героическая ипостась Путина объективируется, прежде всего, в чеченском сюжете: «Этот терапевтический компонент (избавитель от Чечни и Ель-

цина) в харизме Путина играет определяющую роль для массового сознания... А предупреждения профессиональных диссидентов о «диктатуре у ворот» только усиливают эту харизму, свидетельствуя о долгожданном триумфе государственной воли» («Независимая Газета», 9.02.00). Героическая коллизия развивается в мифическом социально-политическом пространстве, структура которого задана противостоянием сил добра (Россия) и зла («международный терроризм», «ваххабиты» и т.д.). Деперсонализация источника зла призвана подчеркнуть его тотальный характер: «Мы начали борьбу против агрессивных устремлений, которые начали нарождаться на этой территории». Единственно возможный вид деятельности в этих обстоятельствах – бескомпромиссная борьба – реализуется в путинском дискурсе: «Могу повторить: вот кто возьмет в руки оружие, будет уничтожен...». Героика представлена в традиционном для жанра мотиве самопожертвования: «Я как бы внутренне для себя решил, что все – карьера на этом, скорее всего, закончится, но моя миссия, историческая миссия – звучит высокопарно, но это правда – будет заключаться в том, чтобы разрешить ситуацию на Северном Кавказе» /«От первого лица», с.133/. Анализ новой исторической редакции традиционного российского слогана – «живота не пожалею» – позволяет конкретизировать границы героического тела: «Я исходил из того, что мне это нужно будет сделать ценой карьеры» /«От первого лица», с.133/. Административно-политическая жертвенность преемника Ельцина заметно отличается от шутовской физической жертвы, обещанной первым президентом: «Лягу головой на рельсы, если цены будут повышены».

Нетривиальной версией героизма в конструировании политического тела Путина оказался миф советского разведчика. Он был реализован в двух вариантах – сакральном и профанирующем. В первом случае сотруднику органов приписывались выдающиеся действия в тылу врага в соответствии с законами отечественного авантюрного жанра: «Российские "Аргументы и факты" утверждают, что заслугой Путина, который действовал через своих агентов, было получение СССР сверхсекретной документации по истребителю "Еврофайтер"» («МН», 25.01.00). По иронии судьбы в постсоветском прочтении идентичность советского разведчика деформирована – временами он называется на западный манер «шпионом». В профанных историях о разведывательном прошлом Путина деконструкции подвергались обе составляющих героического сюжета – тыл врага («Это не блестящее задание, а всего лишь ГДР») и выдающиеся действия («Работа не предполагает каких-то особенных умственных затрат или рискованных комбинаций - вполне гражданская должность» («Завтра», 6.03.00)).

Достоверность этих образов обеспечивала не игра мускулов, а профессиональное прошлое политика. Тем более интересным оказывается анализ маркеров телесного в конструировании образа разведчика («гэбэшника»). Формирование негативного образа сопровождалось фиксацией на ускользающем теле («не смотрит в глаза», «не любит светиться», «не оставляет следов», «держится в тени»). Ядром образа «настоящего разведчика» стало гипертрофированное героическое тело, в котором сосредоточена сила тысяч людей: «Больше всего меня поражало, как маленькими силами, буквально силами одного человека, можно достичь того, чего не могли достичь целые армии» /«От первого лица», с.24/. Героическое тело не обязательно велико или мощно, главное, оно – неординарно. Например, удвоено, как в авантюрной истории, рассказанной самим бывшим разведчиком: «Однажды чекист встречался с информатором. И вдруг заметил "хвост". Тогда он незаметно высадил из машины

этого человека, а, чтобы не вызывать подозрений, всю дорогу держал над сидением рядом с водителем его шляпу. Создавалось впечатление, что в машине едут двое» /АИФ, 19.01.00/. Использование героического тела разведчика в политических целях эффективно: оно имеет высокий ценз реальности, но в то же время легитимно не совпадает с подчеркнута обыденным телом физическим.

Сакральное амплуа «спаситель Отечества» («Если помогу спасти Россию от развала, то этим можно будет гордиться...») конкретизировалось в образах «собирателя и миротворца», «защитника власти», «адепта законности и порядка», «меча карающего». Фиксация на катастрофических условиях позволяла интерпретировать активно-агрессивные действия политического актора как священные: «Теперь все уровни власти поражены этой болезнью. Разорвать этот порочный круг - наша общая святая обязанность». Используемый властью идеологический код, обращенный к коллективной памяти россиян, опознан, усвоен и включен в частные нарративы: «Мы, сотрудники муниципального учреждения здравоохранительной больницы № 1 г. Заволжье Нижегородской области... просим избранного нами президента сосредоточить внимание, прежде всего, на таких вопросах: укрепление дисциплины, исполнение закона, наказание за нанесенный государству вред... Сегодня в России пора наводить порядок... Мы поддерживаем твердость и жесткость нового главы государства... Наше отечество тогда будет цело и неделимо» («Российская газета», 5.05.00). Примечательна определяющая роль физических характеристик – «твердости» и «жесткости» - в обозначении политической позиции президента.

Извести в Путине героя и спасителя пытались при помощи все тех же дискурсивных средств: конструктов «силы» и «жесткости» (прочитанной как «жестокость»). Не подвергая сомнению силовую составляющую политической персоны, авторы новых сакральных интерпретаций указывали на ее демоническую природу: «Так цинизм и безжалостность Владимира Путина превратили его из чиновника провинциального масштаба в диктатора, с потрохами заложившего себя дьяволу» («Завтра», 6.03.00). Это не первый случай в российской истории, когда, оценивая активность верховной власти, поминают лукавого – привычка к гиперсакрализации главной политической персоны присуща и ее противникам. Брутально-риторичная, новая версия легенды об антихристе все же не может сойти за спонтанный ответ традиционного российского сознания на вызов реформ.

Более опасную конкуренцию официальным стратегиям сакрально-политического конструирования составили профанные сценарии и модели интерпретации. Они призваны разрушить сакральные коды, лишив их достоверности (например, сюжетная линия «разведчик – завклубом»). Так, против сакрального амплуа «спаситель Отечества и патриот» была направлена незатейливая информация о форме обучения детей Путина: «... Две дочери и.о. президента Маша и Катя учатся не в самом крутом столичном лицее, а в спецшколе при посольстве Германии в Москве, где, кстати, преподавание ведется исключительно на немецком языке. В связи с этим возникает масса неудобных для преемника Ельцина вопросов: хорошо ли владеют русским языком дети потенциального президента России?» (С. Плужников, www.comproamat.ru).

Возрастные особенности Путина не позволили активно использовать еще одну сакральную стратегию властного конструирования («отец Отечества»), в основе своей геронтологическую. Это не означало исключения из официаль-

ного репертуара патернализма, выгодного для строительства политического тела. В ряду патерналистских моделей поведения – традиционные для российской власти просветительские сценарии. В откровениях губернатора Аяцкова («Я горжусь тем, что знал президента много лет, и считаю себя его учеником») и воспоминаниях школьного приятеля («Так он всем всегда помогал, подсказывал, учил. Он стал всех нас к спорту приобщать») рождается Путин-учитель. Президент косвенно принимает эту роль, говоря в «Послании...» о «воспитании чиновников». И все же просветительские намерения верховной власти значительно шире – они проявляются в претензии на генеральную сигнификацию общественно-политической жизни в стране: «Власть так и не смогла внятно объяснить людям, в чем смысл происходящих перемен – и для страны, и для каждого конкретного человека». Магистральные высказывания президента – ни что иное, как восполнение дефицита означающих: «Прежде всего, чтобы и в Москве, и в самой далекой российской глубинке одинаково строго соблюдались права граждан, одинаково точно понималось и исполнялось общероссийское законодательство. Это и есть диктатура закона. Это и будет означать, что мы живем в одной сильной стране, в едином государстве Россия» («Послание...»). Не удивительно, что контроль над семиотическими процессами становится делом государственной важности: «Самый главный способ защиты – объяснять все свои действия, чтобы они были понятны каждому гражданину».

Объяснение действий нового президента и его маркировка как властителя «молодого», «неопытного», «неумелого», «обучающегося» - главные способы защиты от патерналистского образа Путина в пространстве российского политического дискурса.

Активное использование физических (в т.ч. возрастных) конструкторов в строительстве и экзистировании политического тела – характерная черта современной политической анатомии. При этом обеспечение реальностью политической персоны и ее активности за счет физического тела имеет свои издержки. Будучи единожды включено в политический процесс, физическое тело надолго становится убедительным маркером состояния власти. И потому беды тела природного, в отличие от средневековой политической анатомии, описанной Эрнстом Канторовичем, могут серьезно повредить телу политическому. Хвори телесные интерпретируются как слабость власти, неуклюжая походка наносит ущерб державному образу, а положение физического тела в пространстве расценивается как политическое действие: «Что касается катастрофы в Баренцевом море, то тут поведение президента было попросту диким. Мирно отдыхать в Сочи, когда с "Курском" происходит такое, - это фантастика какая-то!» («Русская мысль», 31.08.00). В телесности персоны власти грань между физическим и политическим становится условной. В этом качественное отличие множественного тела президента от «двух тел короля». А еще в том, что брэнное тело в условиях девальвации религиозных мифологем и деконструкции идеологий позволяет обрести и сакральную ипостась, и профанную версию «человека в повседневности».

Так получилось и с физическим телом президента: оно задействовано и в сакральном, и в профанном политическом конструировании. Физически сильный человек, борец и горнолыжник, в пространстве власти легко превращается в сильного политика, борца и защитника. Профанная версия обращена к повседневности и представлена, например, в сюжете «рабочие будни». Здесь профессиональный статус и трудовая деятельность Путина воплощаются в ре-

альность в обыденных жестах («усталость», «потеря веса», «прием пищи» и т.д.): «От такого режима Путин даже похудел» («Известия», 2.06.00). Не менее перспективна экстраполяция индивидуальных техник презентации тела в сферу политики: «Вообще советовать что-либо Путину по части гардероба – дело неблагодарное, все равно никого не слушает. Самостоятельность Путина проявляется и в его профессиональной деятельности» («Известия», 2.06.00). Некротическое восприятие обыденной информации и ее достоверность заметно облегчают достижение целей официального профанного конструирования. С ним конкурирует сакральная интерпретация профессиональной активности – «пиарщина». Из неомагического нарратива о «пиаре» исключены и повседневность, и физическое тело: рабочая рутина изжита в историях о чудесном – «секретных ноу-хау», «манипулятивных средствах», «властной алхимии» («Новое время», № 25, 2000). Здесь осуществляется деконструкция эксклюзивной президентской повседневности и выявляется фантазийная основа его служебной деятельности: «Согласно сообщениям информагентств, В.В. Путин за весьма краткий срок вынул неба содроганье (присутствие при пуске баллистической ракеты), и горний ангелов полет (прибытие в г. Грозный на скоростном военном самолете СУ-27), и гад морских подводный ход (участие в погружении атомной субмарины), и дольней лозы прозябанье (краснодарское соевание по проблемам АПК)» («Известия», 15.04.00).

И дело даже не в том, что главный персонаж истории после таких интерпретаций кажется уже не усердным работником, а обманщиком-иллюзионистом, использующим пресловутый «административный ресурс». Магическое прочтение обыденного «расчеловечивает» политическое тело, превращая его в «куклу» («Путин – марионетка в руках каких-то темных сил»), в супермена («железный Влад») или, на худой конец, в монстра («на дикой беспощадной арене кровавых экономических схваток, переделов собственности, неограниченной власти... ярче всего могли раскрыться таланты этого хищного, жестокого, не имеющего друзей и не прощающего врагов человека, волка в стае...»). Быть куклой, суперменом или монстром для президента в данном случае означает одно – потерять реальность.

Невеселая перспектива – оказаться политическим миражем. Этой опасности Путин избежал, поскольку, по мнению господина Павловского, президенту удалось «превратить чудо в реальность» («Vanity Fair», 7.06.00). И хотя выдающийся политтехнолог прибавляет: «Мы этого совсем не ожидали», – анализ высказываний главы государства позволяет избежать подобных удивлений.

Структура путинского дискурса определяется конструктами «реальное-идеальное», «настоящее-иллюзорное». Они маркируют отношение к власти, реформам, стратегиям внешней и внутренней политики, отдельным персонам и государственным институтам: «власть должна быть «по-настоящему» эффективной и сильной», «переговоры должны давать «реальную отдачу»», конституционные принципы разделения властей и единства исполнительной вертикали необходимо наполнить «абсолютно реальным содержанием», «только реальные, в том числе экономические, интересы страны должны быть законом для российских дипломатов», «...делать СМИ реально независимыми... Тогда СМИ начнут отражать реальную жизнь» и т.д. «Чудо» воплощается в «реальность», прежде всего, в речевой деятельности президента, восполняющей дефицит действительного. А бинарная пара «настоящее-иллюзорное» становится основой его оценочной шкалы: «Мне искренне нравятся такие люди. Он – на-

стоящий» /«От первого лица», с.112/, - или же, - «Я думал, что он в большей степени живет в мире иллюзий... Оказалось способен воспринимать реалии жизни» /там же/.

«Не должно быть иллюзий», - вполне может сойти за президентский девиз. В таком случае пожелания главе государства, дабы «диктатура закона» оказалась «не джином, выпущенным из бутылки неопытным магом, а реальной диктатурой Путина» вполне совпадают с установками политического адресата. Однако необходимо определиться в понятиях: выяснить, как в путинском дискурсе соотносятся между собой «реальное», «идеальное», «настоящее» и «иллюзорное». Это даст ключ не только к интерпретации стратегий политической активности президента, но и к формируемой версии политической реальности. Казалось бы, реальное и настоящее должны соответствовать полюсу действительного, а идеальное и иллюзорное следует отнести к миру ненастоящего. Однако в президентской версии это не так. Например, когда он утверждает: «Власть должна быть по-настоящему эффективной и сильной» или «Но по-настоящему ответственные политики не будут всеми способами отгораживаться от того, что написано в 77-й статье Конституции», - настоящее оказывается вариантом идеального. И наоборот – в высказывании «Я готов доказать на множестве фактов, что мы живем в государстве, еще очень далеком от идеала федерации», - «идеал федерации» является версией достижимого (действительного при определенных условиях). Идеальное прочитывается как «лучшее» и вполне осуществимое: «Было бы идеально, если бы мы смогли пользоваться формулой наибольшего благоприятствования, если бы все другие развитые страны мира относились к России не хуже, чем к другим своим партнерам. Это было бы для России идеально». В президентском дискурсе, таким образом, снимаются принципиальные различия между конструктами «идеальное» и «настоящее». Это происходит благодаря аксиологической окраске конструкта «настоящий» и прочтению его в этом случае как «хороший» («лучший»). Актуализация второго значения – «настоящий» = «действительный» – позволяет, наконец, установить соотношение между исследуемыми понятиями.

На полюсе позитивной оценки находятся конструкты «реальный», «настоящий», «идеальный» - они означают примерно одно и то же - лучшее и действительное. «Настоящее» стирает грани между «реальным» и «идеальным». А значит, технология производства реальности по президентскому рецепту проста: в иллюзорном выделяется идеальный компонент, фиксируются его достоинства. Это позволяет описывать идеальное как настоящее. А от настоящего до реального – один шаг. Жизнь проверила эту технологию на прочность – она действует и в обратном порядке (реальное тело- настоящее тело - идеальное тело). Неслучайно Путин не только стал президентом, но и признан мужчиной года.

Используя физические и вербальные ресурсы, президент доказал реальность своего существования в пространстве власти. Едва став настоящим, политическое тело Путина подверглось стремительному расширению. Так, К. Пуликовский, представитель президента в Дальневосточном округе вполне идентифицировал себя с главой государства: «Я представляю здесь президента России, и, если вы не согласны со мной, значит, вы не согласны с президентом, значит, вы против президента» («Известия», 13.07.00). Трансперсональный компонент присутствует и в описании характера деятельности генерал-губернаторов: «Их задача состоит не столько в управлении, сколько в том,

чтобы проводить в непокорных регионах волю центра» (www.inopressa.ru, 01.09.00). Таким образом, введение института представителей президента в федеральных округах можно интерпретировать как начало коллективизации политического тела Путина. Расширяясь, оно поглощает не только персоны власти («Путин – игрок командный» («Сегодня», 10.08.99)), но и фрагменты политического пространства («построение вертикали власти»).

Смена политической физики («политика сдерживания и противовесов») геометрией управления («вертикаль власти») призвана аккумулировать потенциал власти в новых отношениях иерархии: «Почувствовал удовлетворение от того, что самостоятельно принимаешь решения, от сознания, что последняя инстанция, а, значит, от тебя многое зависит... Сейчас меня никто не контролирует. Я сам всех контролирую» /«От первого лица», с.187/. Любопытно, что реальность этого процесса подчеркивается использованием телесных метафор: «Потанин, Федоров, Авен и все остальные единокорны в том, что Путин продолжает концентрировать в своих руках рычаги власти» /«МН», 12.09.00/. Политическая персона, став средоточием власти, оказывается способна делегировать часть своей реальности отечественной «виртуальной политике»⁴: «Только действующий глава государства вправе ставить перед органами власти программные задачи, и только у него есть реальная возможность организовать их эффективное выполнение». Используя свой политический капитал, новый президент не только изменяет конфигурацию и степень реальности пространства власти, но и генерирует эту самую власть: «Мы создали "острова" и, отдельные "островки" власти, но не возвели между ними надежных мостов».

В ходе устранения основного препятствия на путях концентрации власти – альтернативной политической персональности – все претенденты на функции государства были маркированы как «враги власти». В эту категорию попадают бизнесмены-олигархи («те, кто пытаются узурпировать функции государства или добиться привилегий благодаря "особым" отношениям с властью, будут вынуждены отказаться от этой затеи...»), профсоюзы («В новых условиях профсоюзы не должны "тянуть" на себя государственные функции в социальной сфере. Не надо этого делать»), региональная элита («Мы не позволим "приватизировать" государственную власть, подчинить ее личным или корпоративным интересам - будь то интересы региональных политиков или финансово-промышленных групп») или СМИ. Сосредоточение власти вокруг президента интерпретируется в соответствии с отечественными сценариями правления в большей («Елена Боннер, вдова советского диссидента и лауреата Нобелевской премии Андрея Сахарова считает, что Путин создает модернизированный вариант сталинизма» (www.inopressa.ru, 01.09.00)) или меньшей («Пу-

---

⁴ Идея о виртуальном статусе российской политики была высказана Андреем Рябовым, политическим аналитиком московского Фонда Карнеги, в интервью корреспонденту газеты «Еuroпoneу»: «... при Ельцине в России существовала "виртуальная политика", которая была зеркальным отражением "виртуальной экономики", где система бартера и неплатежей привела к тому, что прибыли существовали лишь на бумаге, поскольку никто не платил живыми деньгами. СМИ были нужны Ельцину для того, что создавать ощущение, будто бы в стране происходят перемены, в то время как на самом деле ничего не происходило».

тин, безжалостно укрепляющий свою личную власть, напоминает при этом диктатора») привязке к конкретно-историческому контексту.

Впрочем, ситуация куда менее тривиальна. Анализ президентского дискурса показывает, что потенциал своей политической реальности Путин, прежде всего, использует для персонализации государственной власти («Центральная власть уже год теснит магнатов всех расцветок». «Власть современного типа не может терпеть...». «Да, мне кажется, государство сегодня уже имеет моральное право повисить...». «Но есть и другое - последовательные, настойчивые и осознанные действия государства»). Это далеко не худший выход из ситуации, которая была зафиксирована накануне президентских выборов: «Сильный политик, слабая власть». Избранная стратегия усиления власти – делегирование ей персональности и мощи главы государства. При этом грань между телом политика и телом власти стирается: «Но кого дергает власть за ниточки? Какие чувства пробуждает она в народе устами своего высшего представителя?» («Новое время». 2.07.00).

Тело правителя становится эффективным инструментом политики, предоставляя виртуальному миру современной власти толику реальности. Богатство и совершенство физических техник оказываются основным политическим капиталом, а потому вполне естественно, что «маленькая фигурка Путина (а не осанистый валяжный Зюганов) вдруг стала олицетворять мощь и величие российского государства, ныне попоранного, но вот-вот возрождающегося» (www.polit.ru).